

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 94(571.1)“1804/1822”:352

DOI: 10.32516/2303-9922.2024.51.8

Служащие судебно-полицейских учреждений в уездах Тобольской губернии (1804—1822 гг.)

Алексей Максимович Бурый

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, e.buraia@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-3056-4867>

Аннотация. В первой четверти XIX в. на территории Сибири происходила череда различных административных реформ, преследовавших цель найти оптимальные способы управления фронтальным регионом. Однако их успешность во многом зависела от профессиональных и личных свойств местного чиновничества, составлявшего основу уездного аппарата управления. В статье с использованием формулярных списков гражданских служащих исследуются ключевые характеристики данной профессиональной группы. Автор приходит к выводу, что качество чиновничества было невысоким из-за кадрового дефицита, который серьезно ограничивал возможности правительства при комплектовании региональной администрации. Данную ситуацию усугубляло и недостаточное финансирование местных органов власти. В совокупности эти факторы подрывали авторитет царской власти и снижали скорость инкорпорации восточных окраин в состав Российской империи.

Ключевые слова: чиновничество, земская полиция, уездный суд, дефицит кадров, уровень профессионализма, Сибирь.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00268, проект «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII — начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/23-18-00268/>, реализуемый на базе Тюменского государственного университета.

Для цитирования: Бурый А. М. Служащие судебно-полицейских учреждений в уездах Тобольской губернии (1804—1822 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 3 (51). С. 126—141. URL: http://vestospu.ru/archive/2024/articles/51/8_51_2024.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.51.8.

Original article

Officials of judicial and police institutions in the districts of Tobolsk province (1804—1822)

Aleksey M. Buryj

Tyumen State University, Tyumen, Russia, e.buraia@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-3056-4867>

© Бурый А. М., 2024

Abstract. The first quarter of the 19th century was marked by a variety of administrative reforms in Siberia that were aimed at finding optimal ways to manage the frontier region. However, their success largely depended on the professional and personal qualities of the local officials, who formed the basis of the county's administrative system. Using the lists of officials, the key characteristics of this professional group are studied. The author concludes that the quality of the Tobolsk bureaucracy was low due to the shortage of personnel, which significantly limited the government capacity to recruit staff for the local administration. The poor funding of the local authorities had exacerbated this situation. Taken together, these factors undermined the authority of the Tsarist government and reduced the rate at which the eastern periphery was incorporated into the Russian Empire.

Keywords: officialdom, zemstvo police, district court, shortage of personnel, level of professionalism, Siberia.

Acknowledgments. The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00268, project "Justice in the security system and integration processes of peripheral regions of the Russian Empire (XVIII — early XX centuries)", <https://rscf.ru/project/23-18-00268/>, implemented at Tyumen State University.

For citation: Buryj A. M. Officials of judicial and police institutions in the districts of Tobolsk province (1804—1822). *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2024, no. 3 (51), pp. 126—141. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.51.8>.

Введение

Проблема становления и развития чиновного корпуса в периферийных регионах Российской империи мало привлекала внимание ученых. Не вызывала большого интереса историков и специфика государственной кадровой политики на восточных окраинах империи в первой четверти XIX в., когда административные структуры Сибири переживали серьезную трансформацию и обострялся вопрос о необходимости повышения качества контингента служащих местных органов власти.

Между тем на важность человеческого фактора в администрировании указывали еще дореволюционные исследователи. Так, российский правовед И. М. Страховский отмечал: «То или иное административное устройство является более или менее удобной вспомогательной формой для деятельности управления, а по существу управляют не учреждения, а люди» [56, с. 171]. Историк и писатель Е. П. Карнович подчеркивал необходимость соразмерности бюрократического аппарата потребностям и возможностям государства [17, с. 649].

Крупные работы о чиновничестве как отдельной составляющей государственного управления появились во второй половине XX в. Одним из главных трудов этого периода стала монография П. А. Зайончковского [18], где впервые демонстрировались результаты глубокого анализа социального состава служащих Российской империи. Исследователь рассмотрел уровень материального обеспечения, образования и количественные характеристики кадров в контексте изменений, происходивших на протяжении XIX в. Тогда же начали появляться и первые региональные исследования, в которых ученые обратились к проблемам административного устройства Сибири и местного чиновничества [3; 25; 47].

Однако только с 1990-х гг. проблематика региональной бюрократии превратилась в самостоятельное направление историко-социологических исследований [19; 20; 28; 29; 30]. Кроме изучения структуры и численности местной администрации исследователей стали интересовать особенности частной жизни государственных служащих (моральный облик, психологические черты, быт, социальные взаимодействия и т. д.), влияющие на эффективность управления. К примеру, Л. Ф. Писарькова пришла к выводу, что начальство обращалось со своими подчиненными так же, как и с крепостными [29]. Данный факт в условиях строгой иерархии и служебной дисциплины отрицательно сказывался на нравственных качествах российского чиновничества.

В последние десятилетия началось изучение кадрового состава нижнего звена управления. Уездное чиновничество рассматривается зачастую не в целом, а по отдельным отраслям администрирования. Данный подход нашел успешное применение в научных

работах, посвященных судебной-правовой интеграции империи [4; 6; 7; 8; 22; 23]. Так, В. А. Воропанов подробно рассмотрел кадровый состав уездных и окружных судов в Западной Сибири в первой четверти XIX столетия, в частности, отметил существенную текучку кадров в ведомстве юстиции [6]. И. И. Верняев исследовал судебные присутствия конца XVIII — первой трети XIX в. и констатировал, что для их эффективного функционирования требовались достаточно образованные служащие ввиду специализации и усложнения судебной сферы [4].

При всех преимуществах данного подхода для более тщательного осмысления государственной кадровой политики на окраинах империи не стоит ограничиваться изучением того или иного ведомства, поскольку процессы отраслевой специализации проходили неравномерно и длились многие десятилетия. Например, в Сибири до конца XIX в. судебные и полицейские учреждения оставались неразрывно связанными между собой, так как земская полиция исполняла ряд важных судебных функций [22, с. 85]. Учитывая данный факт, а также дефицит служащих в крае и отсутствие профессионального образования в рассматриваемый период, представляется интересным исследовать специфику комплектования кадрами смежных по компетенции органов власти уездного уровня.

Цель данного исследования — изучить особенности государственной кадровой политики при комплектовании штата уездных судебно-полицейских учреждений Тобольской губернии.

Задачи исследования:

- 1) определить основные источники комплектования штата уездных судебно-полицейских органов власти;
- 2) рассмотреть значимость сословных и профессионально-образовательных цензов при поступлении на гражданскую службу.

Территориальные и хронологические рамки исследования обусловлены административно-территориальными преобразованиями Тобольской губернии в первой четверти XIX в. В 1804 г. из части уездов Тобольской губернии была образована Томская губерния [39]. Следующие масштабные преобразования произошли после генерал-губернаторства М. М. Сперанского. В частности, в 1822 г. была создана Омская область, а также принято «Сибирское учреждение», которое внесло множество нововведений в структуру управления.

Источниковая база работы представлена: законодательными документами, позволившими определить нормативные требования к кандидатам на гражданскую службу; делопроизводственными и статистическими материалами (формулярные списки, данные министерских ревизий, делопроизводства уездных органов управления, адрес-календари), отразившими административную реальность и практическую деятельность уездных судебно-полицейских органов власти в рассматриваемый период.

Результаты исследования

Формально в конце XVIII — первой половине XIX в. одним из главных критериев при определении на гражданскую службу являлось сословное происхождение. К примеру, с 1771 г. запрещалось определять к штатской службе лиц податного состояния [31]. Однако на окраинах империи власти могли отступать от данного правила. Острый кадровый дефицит вынуждал местную администрацию принимать на службу представителей тягловых сословий. Признавая необходимость подобных действий в ряде случаев, правительство требовало объяснений в Сенат по поводу надобности данных людей в штате управления [35].

Следовательно, в Тобольской губернии сословное происхождение служащих оставалось более разнородным по сравнению с Европейской Россией. В формулярных спи-

сках чиновников судебно-полицейских учреждений фигурировали такие категории, как экономические и вольноотпущенные крестьяне, воспитанники, казаки, иностранцы и даже ссыльные [51, л. 258—259 об.]. Также среди уездных чиновников в начале XIX в. периодически встречались представители старой служивой элиты — «боярские дети» и представители «сибирского дворянства». Данные служивые сословия формировались преимущественно из верхушки сибирского казачества, при этом их социальный статус и объем привилегий значительно уступали российскому дворянству [3, с. 222]. Но ввиду снижения их значимости на военной и административной службе с принятием «Сибирского учреждения» в 1822 г. данные сословия уравнились в правах и обязанностях с казаками [45].

Таким образом, сословные ограничения при поступлении на гражданскую службу в Сибири оставались менее строгими [5, с. 170], но при этом процедура подтверждения сословного статуса не отличалась от общероссийской. Поступавший на службу будущий чиновник или военный обязывался предъявить в губернское правление специальное свидетельство и в качестве дополнительной гарантии предоставить несколько поручителей из числа представителей данного сословия [10, л. 170].

Рассмотрим процентное соотношение разных сословий среди уездных служащих. Всего выявлены и обработаны формулярные списки 157 чиновников, что составило 37% от полного числа уездного чиновничества по судебной и полицейским частям (без учета канцелярских служащих) по данным адрес-календарей за 1804—1822 гг. [26, с. 283—285; 27, с. 268—273]. Бросается в глаза относительно высокое число чиновников благородного происхождения (табл. 1). Это можно объяснить, во-первых, массовым привлечением отставных офицеров к штатской службе в конце XVIII — начале XIX в. [8, с. 27—28]; во-вторых, целенаправленной политикой правительства, когда на важные должности назначались прежде всего дворяне как наиболее благонадежные представители российского общества.

Таблица 1

Сословное происхождение уездных чиновников судебно-полицейских учреждений
 Тобольской губернии в 1811—1821 гг., %

Год	Дворяне	Обер-офицерские дети*	Дети канцелярских служащих	Дети нижних воинских чинов**	Духовное сословие	Прочие***
1811	27,9	31,1	19,7	9,8	8,2	3,3
1813	26,4	34	15,2	11	6	7,4
1818	30	22	22	4	18	4
1821	29	29	10,9	6,5	22,6	2

Рассчитано по: [9, л. 1 об. — 205; 10, л. 3—288; 11, л. 1 об. — 190; 12, л. 2—133].

* К категории обер-офицерских детей отнесены представители боярских детей и сибирских дворян.

** К детям нижних воинских чинов отнесены представители казачества.

*** К категории «прочие» отнесены выходцы из податных сословий, ссыльные и иностранцы.

Так, по формулярным спискам за 1811 г. среди исправников более 80% приходилось на выходцев из благородного сословия, а среди городничих — 60% (табл. 2). В свою очередь, среди судей, дворянских заседателей и частных комиссаров число дворян варьировало в пределах 23—30%.

Полученные данные позволяют утверждать, что при формировании штата судебно-полицейских органов власти на территории Тобольской губернии правительство отдавало предпочтение дворянам и многочисленным представителям служивого класса (обер-офицерские дети, дети канцелярских служащих), суммарно составлявшим более

74% всех уездных чиновников. Относительно скромным являлось число чиновников из духовного сословия — около 14%, еще 8% приходилось на детей нижних воинских чинов. Выходцы из непривилегированных социальных групп составляли не более 4% всех табельных служащих (табл. 1), и в основном начальство использовало их в качестве канцелярских служащих [5, с. 170], восполняя нехватку служащих нижнего звена.

Таблица 2

Сословное происхождение уездных чиновников судебно-полицейских учреждений и занимаемые ими должности в 1811 г. на территории Тобольской губернии, %

Должность	Дворяне	Обер-офицерские дети	Дети канцелярских служащих	Дети нижних воинских чинов	Духовное сословие	Прочие
Судья	28,5	28,5	0	14,3	14,3	14,3
Исправник	83,3	17,7	0	0	0	0
Городничий	60	40	0	0	0	0
Дворянский заседатель	30,2	27	19,8	33	0	0
Частный комиссар	23,8	33,3	14,3	9,5	19,1	0
Секретарские должности	7,7	38,5	46,2	7,7	0	0

Расчитано по: [9, л. 1 об. — 205; 10, л. 3—288; 11, л. 1 об. — 190; 12, л. 2—133].

Важным критерием отбора на государственную службу являлось образование. Правительство Александра I предпринимало различные меры для повышения уровня образованности служащих. В 1803 г. увидел свет «Устав об училищах», предполагавший, что в течение пяти лет будет запрещено определять на государственную службу на должности, требующие юридических или иных познаний, лиц, не завершивших «учения в общественном или частном училище» [37]. Однако этот акт на практике должным образом не реализовывался, в результате в 1809 г. вышел указ, ограничивший продвижение по карьерной лестнице чиновников, не имевших образования [40].

В Сибири проблема нехватки обученных кадров стояла особенно остро. На территории региона образовательные учреждения получили слабое развитие, оставаясь недоступными для большинства населения [24, с. 390]. Всею виной, по мнению местного начальства, являлась бедность местных чиновников. «Сибирские чиновничьи дети, обучившись чтению, письму и началам арифметики, немедленно определяются бедными своими родителями в приказное состояние для получения жалованья. Редкие из них поступают в гимназию, так что в обоих сибирских гимназиях оканчивают полный курс не более пяти учеников, если не меньше. ...Но и те остаются с одними поверхностными ничего не значащими для службы знаниями», — говорилось в отчете западносибирского генерал-губернатора П. М. Капцевича за 1823 г. В связи с этим весьма низким был общий профессиональный уровень местного чиновничества, и названный начальник докладывал: «Все знание, какое здешний класс чиновников приносит на службу государственную, заключается в механической привычке к формам делопроизводства в длинном и перепутанном составе бумаг, так что высший начальник или судья приписывает себе особенно[е] искусство, если успевает понять существо дела» [21, л. 7—8 об.].

Проблема недостаточной образованности гражданских служащих не потеряла своей актуальности и к середине XIX в. По донесению генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова, проводившего ревизию Западной Сибири в 1850—1851 гг., главной проблемой сибирского администрирования являлся недостаток благонадежных и способных чиновников

из-за отсутствия достойного образования для чиновного юношества [50, л. 36—36 об.]. С точки же зрения правительства, расширение сети образовательных учреждений и создание университета в крае (задумывался в Тобольске) [49, л. 5] считалось слишком обременительным для казны.

В ходе исследования удалось выявить лишь несколько чиновников со средним образованием, служивших в Тобольской губернии в первые два десятилетия XIX столетия. Например, ишимский городничий В. Красин, имевший в 1813 г. чин титулярного советника, был выходцем из духовного сословия, что позволило ему получить начальное образование в духовной семинарии, после окончания которой удалось закончить Санкт-Петербургскую учительскую гимназию. В его формулярном списке помимо прочего содержатся упоминания о различных науках, которым он обучался, а начинал свою гражданскую службу ишимский начальник в качестве учителя рисования в уездном училище и лишь потом по распоряжению начальства был переведен на работу в органы власти [10, л. 81].

В некоторых случаях формулярные списки не дают сведений о том, какое учебное заведение окончил чиновник, но содержат информацию о пройденной им образовательной программе. Например, выходец из шляхетского сословия частный комиссар Тюменского земского суда С. Е. Лукашевич обучался «грамматике, математическим, историческим наукам и рисованию» [11, л. 29], что позволяет угадать в нем выпускника гимназии.

подавляющее большинство уездных чиновников довольствовались лишь домашним образованием, которое можно охарактеризовать типичной для формулярных списков фразой: «Русской грамоте читать и писать обучен» [11, л. 48]. Это во многом объясняет отмеченный начальством формализм в работе сибирского чиновничества, который при неопределенности процедурных правил судопроизводства приводил к судебной волоките [4, с. 67].

Чтобы хоть как-то компенсировать недостаток общей образованности и квалификации служащих уездного звена, губернскими властями регулярно проводились ревизии делопроизводства [7, с. 254]. Данное обстоятельство требовало от высшего чиновничества совсем иного уровня образования и подготовки. Так, председатель Палаты гражданского суда Тобольской губернии Л. П. Коллет владел российским (русским), немецким, французским и итальянским языками, имел познания в области истории, географии и математики [10, л. 69].

Ввиду отсутствия профильного образования при комплектовании штата государственных учреждений важное значение имел предшествующий опыт службы. Еще во второй половине XVIII в. рядом законодательных актов ограничивались перемещения служащих в наместничествах. Один из указов (1777 г.) запрещал это делать местным начальникам [32], а в 1781 г. последовал акт, согласно которому при дальнейшем определении в новую должность Сенат обязывался учитывать предыдущий служебный опыт чиновника и принимать к сведению характеристику от предыдущего начальства [33]. Однако в условиях постоянного кадрового дефицита на территории Сибири данные указы соблюдались далеко не всегда.

Примечательно дело тарского земского исправника И. А. Гуляева. Будучи под судом в 1807 г., он успел поступить на службу ассессором в Томский гражданский и уголовный суд. Министр юстиции ввиду малочисленности сибирского чиновничества согласился с таким положением вещей [1, с. 282—283], а Комитет министров постановил: «Надворного советника Гуляева, согласно мнению министра юстиции, оставить в настоящем его месте, а о том, чтобы впредь все местные начальства не делали представлений об опреде-

лении к должностям таких чиновников, кои суду преданы и по оному еще не оправданы, для сведения сообщить ко всем министрам с сего журнала копии» [42, с. 754].

Если же говорить о профессиональных качествах как важнейшей составляющей служебного опыта, то среди чиновников можно выделить две основные группы: 1) служащие, назначенные в местные органы власти без опыта работы в том или ином ведомстве; 2) служащие, начавшие свою карьеру в канцелярии, а затем переведенные на табельные должности с сохранением ведомственной специализации.

К первой группе, например, относилась карьера дворянского заседателя Ялуторовского уездного суда, потомственного приказного служителя титулярного советника Г. И. Скорнякова, начавшего свою государственную службу в 1769 г. в качестве солдата Тобольского пехотного батальона. Только в 1791 г. его перевели на штатскую службу в Тобольское наместническое правление, где он успел поработать инспектором и механиком. Работать в судебно-полицейских присутствиях Скорняков начал в 1799 г., получив назначение в Березовский уездной суд на должность дворянского заседателя, затем в 1803 г. был переведен на должность частного комиссара Ишимского земского суда, а в 1806 г. вновь назначен дворянским заседателем уездного суда, но уже в Ялуторовске [10, л. 42]. Соответственно, какой-то специальной подготовки перед началом штатской службы чиновник не имел. По крайней мере, никакой информации в формулярных списках по этому поводу нет. И такая карьерная траектория являлась обычной среди отставных военных.

Ко второй группе можно отнести профессиональную карьеру заседателя Тобольского уездного суда (1804 г.) В. А. Воронова. Поступив в 1778 г. копиистом в Тюменскую воеводскую канцелярию в возрасте 15 лет, Воронов отдал канцелярской службе более 20 лет своей жизни, успев поработать и в надворном суде, и в судебных палатах губернского суда, в том числе в качестве секретаря. На должность заседателя уездного суда его впервые назначили только в 1803 г. по собственному прошению [10, л. 270]. В данном случае послужной список позволяет предположить, что чиновник имел хорошие теоретические и практические знания о судопроизводстве того времени, чему способствовало многолетнее прохождение всех ступеней гражданской службы в одном ведомстве. Такие служащие, начинавшие штатскую службу в подростковом возрасте с самых низших должностей, могли действовать гораздо более профессионально, чем отставные военные или чиновники, переходящие из ведомства в ведомства. Преимущества многолетней специализации на гражданской службе осознавало и правительство. Поэтому постепенно ограничивался переход из одной отрасли администрирования в другую для чиновников, назначенных Сенатом [34].

На практике почти половина всех уездных чиновников судебно-полицейских учреждений Тобольской губернии имела смешанный опыт гражданской службы, что также можно отнести к факторам, снижавшим эффективность местного управления (табл. 3). Во многом это тоже связано с дефицитом кадров, особенно в отдаленных уездах, где многие вакансии часто оставались незанятыми. Например, судья Березовского уездного суда М. Ф. Карпов в 1818 г. исполнял обязанности городничего, при этом не оставляя своей основной должности [12, л. 16—16 об.]. Стоит отметить, что практика совмещения нескольких должностей официально запрещалась в 1815 г. [43]. Кроме того, перемещению между ведомствами могли способствовать злоупотребления чиновников, в результате которых часть служащих получала запрет на определение к данной должности (ведомству) впредь [12, л. 17—19].

Служебный опыт уездных чиновников первой четверти XIX в. на территории
Тобольской губернии, %

Год	Чиновники, служившие только в одном ведомстве	Чиновники, служившие в двух и более ведомствах	Чиновники, ранее не имевшие опыта гражданской службы
1811	39,3	46,0	14,7
1813	41,5	41,5	17,0
1818	42,0	44,0	14,0
1821	45,2	38,7	16,1

Рассчитано по: [9, л. 1 об. — 205; 10, л. 3—288; 11, л. 1 об. — 190; 12, л. 2—133].

На протяжении изучаемого периода процент чиновников, строивших карьеру в одном ведомстве, постепенно возрастал. Возможно, данному процессу могли способствовать следующие обстоятельства: 1) проведение министерской реформы 1802—1811 гг., имевшей следствием усиление отраслевой специализации бюрократических структур, в том числе и на местах [4, с. 68]; 2) постепенное преодоление кадрового дефицита за счет массового привлечения в Сибирь служащих из Европейской России. Например, в безымянной записке «О генерал-майоре Куткине» говорится, что благодаря указу 1809 г. «много приехало в Сибирь молодых людей за чином коллежского асессора». При этом чиновники обязывались отслужить не менее трех лет на восточной окраине, после чего некоторые «возвратились обратно в Россию, но многие остались и продолжали служить в Сибири» [2, с. 413].

Только около 15% табельных чиновников не имели опыта гражданской службы до назначения в штат местных органов власти (табл. 3), и, как правило, названная группа была представлена отставными военными, обычно сразу назначавшимися на важные должности. Проблемы подобной политики правительство осознало только в начале 1830-х гг., когда вышел специальный указ, введший обязательный испытательный срок для всех военных, перешедших на гражданскую службу [46].

По формулярным спискам 1813 г. доля лиц, начавших государственную службу в армии, среди служащих полиции и суда составляла примерно 50%, а среди городничих — 80%. Столь высокий процент отставных военных среди городских начальников объясняется целенаправленной политикой правительства. 14 мая 1802 г. вышел сенатский указ, который предписывал определять на данную должность в первую очередь отставных военных, переводившихся на гражданскую службу ввиду болезни или увечий, полученных на военной службе [36]. Затем правительство утвердило несколько законодательных актов, регулировавших такую практику, а уже в 1816 г. увидело свет постановление, перечислявшее должности для назначения отставных офицеров [44]. Вероятно, развитие законодательства в этой области связано, кроме прочего, с последствиями наполеоновских войн.

Активное привлечение отставных военных к гражданской службе можно рассматривать как обстоятельство, снижавшее эффективность местного управления. Во-первых, многие из них не обладали достаточными знаниями и навыками для штатской службы. Например, иногда из-за полного отсутствия подготовки к гражданским специальностям в формулярных списках бывших военных в графе «способен и достоин к повышению» указывалось: «по незнанию порядка статской службы способностей к продолжению службы не имеет» [10, л. 262].

Во-вторых, из-за увечий или хронических болезней часть отставных военных просто физически не могла справиться с возложенными на них обязанностями. Например, пи-

сатель М. Е. Салтыков-Щедрин писал об отставных военных в составе уездных судов: «...или француз под Бородином изувечил, или турок часть тела повредил — милости просим! Лишь бы рассудок не подлежал освидетельствованию... На присутствия уездных судов того времени даже серьезные люди смотрели вроде как на богадельню» [7, с. 423]. На территории Тобольской губернии также встречались чиновники, подорвавшие здоровье на военной службе. Например, туринский городничий М. И. Старов в сражении под Аустерлицем получил пулевые ранения в плечо и голову, после чего был переведен на гражданскую службу в Сибирь [9, л. 54].

Но не всегда отставные офицеры являлись слабым звеном в местном управлении. Богатый жизненный опыт и хорошие навыки командования людьми помогали им при исполнении административных должностей [3, с. 103]. К примеру, ялуторовский городничий (1796—1816 гг.) И. В. Плотников прослужил Отечеству в рядах вооруженных сил не менее 16 лет, участвовал в подавлении беспорядков в Тобольской и Оренбургской губерниях (1773—1774 гг.). После отставки получил назначение в нижний земский суд Тобольской округи в качестве дворянского заседателя (1782 г.), переведен в исправники (1784 г.), затем в казенную палату ассессором (1790 г.), а потом — городничим в Ялуторовск. На гражданской службе регулярно получал похвалы от начальства за увеличение доходов казны и наведение порядка при ревизиях уездных органов власти [10, л. 185—187].

Вместе с тем, независимо от сословного происхождения, уровня образования и профессионализма чиновников, важнейшим фактором, определявшим их дальнейшую карьеру, являлось наличие злоупотреблений и проступков по работе. В особенности это относилось к окраинным территориям Российской империи, где, с одной стороны, недовольные служащие подрывали авторитет царской власти в глазах местного населения, с другой — из-за злоупотреблений снижались податные и иные возможности отдаленных территорий, что наносило ощутимый урон государственной казне и стране в целом. Правительство пыталось бороться с данной проблемой усилением надзора за местной администрацией и расширением властных полномочий генерал-губернатора, имевшего право по своему усмотрению отстранять и назначать чиновников на местах [38], а также созданием в 1822 г. советов разных уровней, призванных ввести совещательный компонент при принятии решений начальниками [16, с. 89]. Как показало время и регулярные ревизии восточных регионов, такая политика не имела должного эффекта и выявленные ранее недостатки повторялись от проверки к проверке [23, с. 138].

Наиболее наглядно это демонстрировали результаты ревизии Западной Сибири 1827—1828 гг. с целью проверки эффективности «Сибирского учреждения» 1822 г. [52, л. 1—3 об.]. Тогда сенаторы В. К. Безродный и князь В. А. Куракин затребовали список чиновников по Тобольской губернии, совершивших в течение последних лет преступления и проступки по должности. Согласно данному списку, типичными нарушениями для судебных служащих являлись различные упущения при производстве дел, связанные с медлительностью и незнанием своих обязанностей «сообразно законам». За данные проступки, как правило, следовали выговоры и пени в размере от 5 до 25 руб. [53, л. 3 об., 29]. В свою очередь, служащие полиции регулярно нарушали порядок ведения следственных мероприятий, медлили с информированием вышестоящих властей о текущем положении дел на вверенной им территории, осуществляли сбор натуральных и денежных повинностей с явными нарушениями и злоупотреблениями [54, л. 7 об.]. Таким образом, практически все уездные органы полиции и суда получали те или иные замечания.

Иногда местные чиновники просто не могли понять, что от них требует начальство. Например, в ходе ревизии Омского земского суда в 1822 г. на предъявленную ревизором

претензию о неправильном ведении журналов, форма которых казалась ему «самой простой и внятной», сотрудники данного учреждения ответили: «Форма журналов известна и действительно внятная, но для земского суда весьма затруднительна» [22, с. 86].

Не способствовал привлечению грамотных и высоконравственных людей на гражданскую службу и незначительный размер оплаты труда, что усиливало произвол в управлении [23, с. 115]. Так, в начале XIX в. годовой оклад уездного судьи равнялся 300 руб., дворянского заседателя — 250 руб., секретаря уездного суда — 200 руб. [41], служащий канцелярии уездных судов получал и того меньше — от 50 до 152 руб. в год [15, л. 1—5]. Недаром местное начальство считало, что «ограниченность штатных сумм» была причиной «невозможности приискывать» достойных слугителей в присутствия [52, л. 52].

Помимо прочего, к злоупотреблениям своими полномочиями приводили и вредные привычки. Весьма показательна история губернского секретаря Василия Александровича Д., служившего в канцелярии Туринского земского суда. В его формулярном списке есть упоминание о пристрастии к алкоголю, из-за чего он даже оказался под судом по делу «о буйственных поступках, совершенных в пьяном невежестве и причинении вреда сельскому заседателю». Это стало преградой для карьерного роста чиновника: «к повышению способен, но за часто временное употребление горячительных напитков не достоин» [10, л. 268].

В середине XIX в. западносибирский генерал-губернатор Г. Х. Гасфорд и председатель тобольского губернского суда А. И. Папкевич писали о низком нравственном уровне сибирских служащих и его вредном влиянии «на простой народ, с которым они почасту дружатся, пьянствуют, подавая пример и наставление в разврате» [23, с. 83].

В силу ряда причин далеко не все работники уездных органов власти получали пометки в формулярных списках о своих злоупотреблениях. В частности, книги с данными сведениями производились независимо друг от друга разными губернскими органами, соответственно «взыскания, помещенные в одной из них, не обозначались в другой» [55, л. 20 об.]. Поэтому губернское правление не имело полной информации о подведомственных чиновниках, и это не позволяло своевременно принимать меры к предотвращению беспорядков. Именно по этой причине доля служащих, хотя бы раз находившихся под следствием, в изучаемый период не превышала 12—14%, то есть, предположительно, являлась заниженной (табл. 4).

Таблица 4

Процентное соотношение уездных чиновников с судимостью и без на территории
Тобольской губернии в 1811—1821 гг., %

Год	Чиновники, не находившиеся под судом	Чиновники, оправданные судом	Чиновники, имеющие одну судимость	Чиновники, имеющие две и более судимостей	Чиновники, находившиеся под следствием при исполнении должности
1811	83,6	3,3	8,2	1,6	3,3
1813	81,1	1,9	13,2	1,9	1,9
1818	94,0	2,0	2,0	2,0	0,0
1821	87,0	0,0	3,4	6,4	3,2

Рассчитано по: [9, л. 1 об. — 205; 10, л. 3—288; 11, л. 1 об. — 190; 12, л. 2—133].

Большинство следствий против служащих возбуждалось по причине недобросовестного ведения дел и превышения должностных полномочий. Например, в архивных документах Тюменского земского суда содержится информация о коллежском асессоре Н. С. Челюскине, согласно которой в начале 1806 г. он отстранялся от должности судьи

за беспорядочное делопроизводство [14, л. 11]. Также отмечалось, что чиновник до отстранения несколько раз штрафовался и подвергался строжайшим выговорам. Правда, уже через считанные месяцы его назначили в Туринский уездный суд дворянским заседателем [10, л. 158].

Бывало, что на полицейских чиновников налагались денежные взыскания за насильственные действия. Штраф в размере двухмесячного оклада был наложен на частного пристава Тобольска титулярного советника П. Соболева «за взятие под караул и битье мещанина Баландина» [10, л. 184]. В свою очередь, канцелярские служители подвергались и более строгим наказаниям. Так, подканцеляриста И. Власова за неверное донесение решений Правительствующего Сената поместили на два месяца под караул, где его содержали «на хлебе и воде» [13, л. 1 об.].

Очевидно, что наказания не обладали достаточной эффективностью, в целом не улучшая ситуацию, а только порождая недоверие со стороны местных жителей к правительственным учреждениям. Как отмечал историк А. В. Ремнёв, «самодержавию едва хватало сил на присоединение, удержание и управление новыми землями и народами на Востоке империи» [48, с. 18], и это верно применительно к осуществляемой здесь кадровой политике по укомплектованию служащими уездных судебно-полицейских органов власти. В первой четверти XIX в. правительство, не имея возможности или не желая существенно увеличивать казенные траты на регион, не смогло сломать систему различного рода злоупотреблений, следствием чего становилось укоренение обозначенных выше недостатков, негативно сказывавшихся на авторитете царской власти.

Заключение

Государственная гражданская служба в конце XVIII — начале XIX в. претерпела ряд важных изменений, приблизивших создание профессионального класса управленцев — бюрократии. В частности, происходило усиление отраслевой специализации органов власти в центре и на местах, активно принимались законы, регламентировавшие прием и увольнение со службы представителей разных сословий. Кроме того, впервые в карьере чиновника образование стало играть значимую роль. И если в Европейской России нововведения могли быть в той или иной мере реализованы, то комплектование региональной администрации восточных окраин происходило со значительными отступлениями от принятых законов.

Острейшей проблемой местного управления оставался дефицит кадров, не позволявший осуществлять масштабные штатные перестановки, наказывать должным образом нерадивых служащих, в полной мере соблюдать отраслевую специализацию, сословные и профессионально-образовательные цензы при подборе персонала. При этом правительство так и не выработало эффективную стратегию решения данной проблемы. Основной упор делался на привлечение в Сибирь чиновников из других регионов с помощью льгот и дополнительных выплат, в то время как воспитанию и образованию местного чиновного юношества не уделялось достаточного внимания.

Мы полагаем, что данная особенность государственной кадровой политики на восточных окраинах была обусловлена прежде всего финансовыми причинами. Направлять чиновников из Европейской России считалось менее затратным, чем создавать условия для формирования способных и благонадежных служащих внутри региона. Однако даже наиболее близкая, освоенная и благополучная по меркам Сибири Тобольская губерния оставалась для российских чиновников непривлекательной территорией. Для местного населения, возможно, гражданская служба оставалась непрестижной из-за малых окладов и отсутствия дальнейших карьерных перспектив.

Совокупность данных обстоятельств при объективно тяжелых условиях службы в крае вынуждала губернское начальство принимать на службу людей с сомнительными личностными и профессиональными качествами, что приводило к текучке кадров, замедлению скорости делопроизводства и произволу на местах. Закономерным следствием являлась неэффективность уездных судебно-полицейских учреждений Тобольской губернии, не справлявшихся должным образом со своими основными задачами — поддержанием правопорядка и законности на вверенных территориях.

Список источников

1. Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Тип. В. В. Комарова, 1889. 754 с.
2. Бумаги Ивана Борисовича Пестеля // Русский архив. 1875. № 4. С. 389—444.
3. Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX в.: Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1985. 299 с.
4. Верняев И. И. Историческая динамика судебно-правовой интеграции Российской империи. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2021. 396 с.
5. Воропанов В. А. Государственная кадровая политика и управление гражданской службой в Сибири: общеимперские стандарты и местная специфика в 1800—1860-е гг. // Уральский исторический вестник. 2023. № 2. С. 169—177. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-169-177.
6. Воропанов В. А. Состав коллегий уездных и окружных судов в Тобольской и Томской губерниях в первой четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 71—77. DOI: 10.17223/15617793/418/9.
7. Воропанов В. А. Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). Челябинск : Челяб. ин-т УрАГС, 2008. 606 с.
8. Воропанов В. А. Чиновный состав уездных судов на Урале: управление кадрами в ведомстве Министерства юстиции в 1800—1820-х гг. // Вестник Пермского университета. 2010. № 2. С. 27—36.
9. Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. И-329. Оп. 19. Д. 2.
10. ГАТ. Ф. И-329. Оп. 19. Д. 3.
11. ГАТ. Ф. И-329. Оп. 19. Д. 8.
12. ГАТ. Ф. И-329. Оп. 19. Д. 11.
13. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. И-7. Оп. 1. Д. 58.
14. ГАТО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 42.
15. ГАТО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 47.
16. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 88—93. DOI: 10.17223/15617793/426/10.
17. Карнович Е. П. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2. М. : ТЕРРА, 1995. 657 с.
18. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. : Мысль, 1978. 288 с.
19. Зубов В. Е. Структура и численность государственного аппарата Западной Сибири первой половины XIX в. // Вестник Челябинского университета. Сер. 7 : Государственное и муниципальное управление. 1998. № 1. С. 52—57.
20. Иванов В. А., Добычина М. А. Местное чиновничество России в середине XIX в. Статистико-социологический портрет (по материалам Калужской, Московской и Тверской губерний) // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Калуга : ГАОУ ДПО «КГИРО», 2016. С. 13—22.
21. Исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 228.
22. Крестьянников Е. А. Полиция и полицейское следствие в Западной Сибири (1822—1897 гг.) // Российская история. 2013. № 3. С. 84—99.
23. Крестьянников Е. А. Правосудие в Западной Сибири (XIX — начало XX в.): реформы, чиновники, учреждения. Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2018. 240 с.
24. Лаптева М. Ю., Валитов А. А., Федотова Д. Ю. Становление Тобольской классической гимназии в первое десятилетие XIX в. // Научный диалог. 2021. № 9. С. 385—399. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-385-399.

25. Маркова И. Б. Управление Сибирью в 20—60-е гг. XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. 247 с.
26. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова. СПб. : Имп. Академия наук, 1804. 335 с.
27. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1822. 428 с.
28. Михайленко В. И. Проблемы и возможности конструирования образа в исторической науке (на примере образа сибирского чиновника Российской империи) // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2020. Т. 7, № 1. С. 21—27. DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(1).21-27.
29. Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3. С. 121—139.
30. Плех О. А. Численность провинциальных служащих в первой половине XIX в. (на материалах Вологодской губернии) // Российская история. 2020. № 1. С. 3—25. DOI: 10.31857/S086956870008269-6.
31. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 (ПСЗРИ-1). СПб., 1830. Т. 19. № 13596 (13 апреля 1771 г.).
32. ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 20. № 14618 (1 июня 1777 г.).
33. ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 21. № 15117 (5 февраля 1781 г.).
34. ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 22. № 16075 (3 октября 1784 г.).
35. ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 25. № 18622 (14 августа 1798 г.).
36. ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 27. № 20264 (14 мая 1802 г.).
37. ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 27. № 20597 (24 января 1803 г.).
38. ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 27. № 20771 (23 мая 1803 г.).
39. ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 27. № 20890 (11 августа 1803 г.).
40. ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 30. № 23771 (6 августа 1809 г.).
41. ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 44. № 24985 (1 февраля 1812 г.).
42. ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 32. № 25548 (3 марта 1814 г.).
43. ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 33. № 26041 (23 декабря 1815 г.).
44. ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 33. № 26255 (5 мая 1816 г.).
45. ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 38. № 29124 (22 июля 1822 г.).
46. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1831. Т. 6. № 4406 (7 марта 1831 г.).
47. Рабцевич В. В. К вопросу о социальном составе сибирской администрации в 80-е гг. XVIII — первой четверти XIX в. // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1975. С. 50—53.
48. Ремнёв А. В. Самодержавие и Сибирь: административная политика в первой половине XIX в. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 1995. 236 с.
49. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 638.
50. РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 167.
51. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 163.
52. РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 4.
53. РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 39.
54. РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 65.
55. РГИА. Ф. 1397. Оп. 1. Д. 20.
56. Страховский И. М. Губернское устройство // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 9. С. 122—171.

References

1. Andrievich V. K. *Sibir' v XIX stoletii: v 2 ch. Ch. 2* [Siberia in the 19th century. In 2 parts. Part 2]. St. Petersburg, Tip. V. V. Komarova Publ., 1889. 754 p. (In Russian)
2. Bumagi Ivana Borisovicha Pestelya [Papers of Ivan Borisovich Pestel]. *Russkii arkhiv* [Russian Archive], 1875, no. 4, pp. 389—444. (In Russian)
3. Bykonya G. F. *Russkoe nepodatnoe naselenie Vostochnoi Sibiri v XVIII — nachale XIX v.: Formirovanie voenno-byurokraticheskogo dvoryanstva* [Russian non-taxable population of Eastern Siberia in the 18th — early 19th centuries. Formation of military-bureaucratic nobility]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskii un-t Publ., 1985. 299 p. (In Russian)
4. Vernyaev I. I. *Istoricheskaya dinamika sudebno-pravovoi integratsii Rossiiskoi imperii* [Historical dynamics of judicial and legal integration of the Russian Empire]. St. Petersburg, S.-Peterb. un-t Publ., 2021. 396 p. (In Russian)

5. Voropanov V. A. Gosudarstvennaya kadrovaya politika i upravlenie grazhdanskoj sluzhboj v Sibiri: obshcheimperskie standarty i mestnaya spetsifika v 1800—1860-e gg. [State personnel policy and civil service management in Siberia: general imperial standards and local specifics (1800—1860)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik — Ural Historical Journal*, 2023, no. 2, pp. 169—177. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-169-177. (In Russian)
6. Voropanov V. A. Sostav kollegii uezdnykh i okruzhnykh sudov v Tobol'skoi i Tomskoi guberniyakh v pervoi chetverti XIX v. [The membership of district courts in Tobolsk and Tomsk provinces in the first quarter of the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2017, no. 418, pp. 71—77. DOI: 10.17223/15617793/418/9. (In Russian)
7. Voropanov V. A. Sud i pravosudie v Rossijskoi imperii vo vtoroi polovine XVIII — pervoi polovine XIX v. Regional'nyi aspekt: Ural i Zapadnaya Sibir' (opyt sravnitel'no-sopostavitel'nogo analiza) [Court and justice in the Russian Empire in the second half of the 18th — first half of the 19th century. Regional aspect: the Urals and Western Siberia (an experience of comparative-contrastive analysis)]. Chelyabinsk, Chelyab. in-t UrAGS Publ., 2008. 606 p. (In Russian)
8. Voropanov V. A. Chinovnyi sostav uezdnykh sudov na Urale: upravlenie kadrami v vedomstve Ministerstva yustitsii v 1800—1820-kh gg. [The official composition of district courts in the Urals: personnel management in the department of the Ministry of Justice in 1800s—1820s.]. *Vestnik Permskogo universiteta — Perm University Herald*, 2010, no. 2, pp. 27—36. (In Russian)
9. Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [State Archives in Tobolsk] (GAT). F. I-329. Op. 19. D. 2.
10. GAT. F. I-329. Op. 19. D. 3.
11. GAT. F. I-329. Op. 19. D. 8.
12. GAT. F. I-329. Op. 19. D. 11.
13. Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoi oblasti [State Archives of the Tyumen Region] (GATO). F. I-7. Op. 1. D. 58.
14. GATO. F. I-30. Op. 1. D. 42.
15. GATO. F. I-30. Op. 1. D. 47.
16. Dameshek L. M., Dameshek I. L. Sibirskaya reforma M. M. Speranskogo 1822 g. kak proyavlenie printsipov imperskogo regionalizma [Siberian reforms of 1822 by Speransky as a manifestation of the principles of imperial regionalism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2018, no. 426, pp. 88—93. DOI: 10.17223/15617793/426/10. (In Russian)
17. Karnovich E. P. *Sobranie sochinenii: v 4 t. T. 2* [Collected works. In 4 vols. Vol. 2]. Moscow, TERRA Publ., 1995. 657 p. (In Russian)
18. Zaionchkovskii P. A. *Pravitel'stvennyi apparat samodержавnoi Rossii v XIX v.* [The Government apparatus of autocratic Russia in the 19th century]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 288 p. (In Russian)
19. Zubov V. E. Struktura i chislennost' gosudarstvennogo apparata Zapadnoi Sibiri pervoi poloviny XIX v. [The structure and size of the state apparatus of Western Siberia in the first half of the 19th century]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Ser. 7: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie*, 1998, no. 1, pp. 52—57. (In Russian)
20. Ivanov V. A., Dobychina M. A. Mestnoe chinovnichestvo Rossii v seredine XIX v. Statistiko-sotsiologicheskii portret (po materialam Kaluzhskoi, Moskovskoi i Tverskoi gubernii) [Local bureaucracy of Russia in the middle of the 19th century. Statistical and sociological portrait (based on materials from the Kaluga, Moscow and Tver provinces)]. *Trudy regional'nogo konkursa nauchnykh projektov v oblasti gumanitarnykh nauk* [Proceedings of the regional competition of scientific projects in the field of humanities]. Kaluga, GAOU DPO "KGIRO" Publ., 2016, pp. 13—22. (In Russian)
21. *Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti* [Historical archive of the Omsk region]. F. 3. Op. 1. D. 228.
22. Krest'yannikov E. A. Politsiya i politseiskoe sledstvie v Zapadnoi Sibiri (1822—1897 gg.) [Police investigation in Western Siberia, 1822—1897]. *Rossiiskaya istoriya*, 2013, no. 3, pp. 84—99. (In Russian)
23. Krest'yannikov E. A. *Pravosudie v Zapadnoi Sibiri (XIX — nachalo XX v.): reformy, chinovniki, uchrezhdeniya* [Justice in Western Siberia (19th — early 20th century). Reforms, officials, institutions]. Tyumen, Tyumenskii gos. un-t Publ., 2018. 240 p. (In Russian)
24. Lapteva M. Yu., Valitov A. A., Fedotova D. Yu. Stanovlenie Tobol'skoi klassicheskoi gimnazii v pervoe desyatiletie XIX v. [Formation of Tobolsk Classical Hymnasium in First Decade of 19th Century]. *Nauchnyi dialog — Scientific Dialogue*, 2021, no. 9, pp. 385—399. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-385-399. (In Russian)
25. Markova I. B. *Upravlenie Sibir'yu v 20—60-e gg. XIX v.: dis. ... kand. ist. nauk* [Management of Siberia in the 20—60s of the XIX century. Cand. Dis.]. Novosibirsk, 1985. 247 p. (In Russian)
26. *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestva Khristova* [Menology with a list of officials in the state for the year from the Nativity of Christ]. St. Petersburg, Imp. Akademiya nauk Publ., 1804. 335 p. (In Russian)

27. *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob, ili Obshchii shtat Rossiiskoi imperii: v 2 ch. Ch. 2* [Menology with a list of officials, or the General staff of the Russian Empire. In 2 parts. Part 2]. St. Petersburg, Imp. Akademiya nauk Publ., 1822. 428 p. (In Russian)
28. Mikhailenko V. I. Problemy i vozmozhnosti konstruirovaniya obraza v istoricheskoi nauke (na primere obraza sibirskogo chinovnika Rossiiskoi imperii) [Problems and possibilities of image construction in historical science (on the example of an image of a Siberian bureaucrat of the Russian Empire)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki*, 2020, vol. 7, no. 1, pp. 21—27. DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(1).21-27. (In Russian)
29. Pizar'kova L. F. Rossiiskii chinovnik na sluzhbe v kontse XVIII — pervoi polovine XIX veka [Russian civil servant in service in the late 18th — first half of the 19th century]. *Chelovek*, 1995, no. 3, pp. 121—139. (In Russian)
30. Plekh O. A. Chislennost' provintsial'nykh sluzhashchikh v pervoi polovine XIX v. (na materialakh Vologodskoi gubernii) [Number of provincial civil servants during first half of the 19th century (documents of Vologda province)]. *Rossiiskaya istoriya*, 2020, no. 1, pp. 3—25. DOI: 10.31857/S086956870008269-6. (In Russian)
31. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1 (PSZRI-1)* [Complete Collection of the Russian Empire Laws. Coll. 1 (PSZRI-1)]. St. Petersburg, 1830. Vol. 19, no. 13596 (April 13 1771 g.). (In Russian)
32. PSZRI-1. St. Petersburg, 1830. Vol. 20, no. 14618 (June 1 1777 g.).
33. PSZRI-1. St. Petersburg, 1830. Vol. 21, no. 15117 (Feb. 5 1781 g.).
34. PSZRI-1. St. Petersburg, 1830. Vol. 22, no. 16075 (Oct. 3 1784 g.).
35. PSZRI-1. St. Petersburg, 1830. Vol. 25, no. 18622 (Aug. 14 1798 g.).
36. PSZRI-1. St. Petersburg, 1830. Vol. 27, no. 20264 (May 14 1802 g.).
37. PSZRI-1. St. Petersburg, 1830. Vol. 27, no. 20597 (Jan. 24 1803 g.).
38. PSZRI-1. St. Petersburg, 1830. Vol. 27, no. 20771 (May 23 1803 g.).
39. PSZRI-1. St. Petersburg, 1830. Vol. 27, no. 20890 (Aug. 11 1803 g.).
40. PSZRI-1. St. Petersburg, 1830. Vol. 30, no. 23771 (Aug. 6 1809 g.).
41. PSZRI-1. St. Petersburg, 1830. Vol. 44, no. 24985 (Feb. 1 1812 g.).
42. PSZRI-1. St. Petersburg, 1830. Vol. 32, no. 25548 (March 3 1814 g.).
43. PSZRI-1. St. Petersburg, 1830. Vol. 33, no. 26041 (Dec. 23 1815 g.).
44. PSZRI-1. St. Petersburg, 1830. Vol. 33, no. 26255 (May 5 1816 g.).
45. PSZRI-1. St. Petersburg, 1830. Vol. 38, no. 29124 (July 22 1822 g.).
46. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 2* [Complete Collection of the Russian Empire Laws. Coll. 2]. St. Petersburg, 1831. Vol. 6, no. 4406 (March 7 1831 g.). (In Russian)
47. Rabtsevich V. V. K voprosu o sotsial'nom sostave sibirskoi administratsii v 80-e gg. XVIII — pervoi chetverti XIX v. [On the issue of the social composition of the Siberian administration in the 1880s — first quarter of the 19th century]. *Materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu Tobol'skogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika* [Proceedings of the scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve]. Sverdlovsk, Sr.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1975, pp. 50—53. (In Russian)
48. Remnev A. V. *Samoderzhavie i Sibir': administrativnaya politika v pervoi polovine XIX v.* [Autocracy and Siberia: administrative policy in the first half of the 19th century]. Omsk, Omskii gos. un-t Publ., 1995. 236 p. (In Russian)
49. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archives] (RGIA). F. 1264. Op. 1. D. 638.
50. RGIA. F. 1265. Op. 1. D. 167.
51. RGIA. F. 1349. Op. 4. D. 163.
52. RGIA. F. 1376. Op. 1. D. 4.
53. RGIA. F. 1376. Op. 1. D. 39.
54. RGIA. F. 1376. Op. 1. D. 65.
55. RGIA. F. 1397. Op. 1. D. 20.
56. Strakhovskii I. M. Gubernskoe ustroistvo [Provincial structure]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*, 1913, no. 9, pp. 122—171. (In Russian)

Информация об авторе

А. М. Бурый — аспирант, лаборант-исследователь

Information about the author

A. M. Buryj — Postgraduate Student, Laboratory Researcher

Статья поступила в редакцию 21.04.2024; одобрена после рецензирования 21.06.2024;
принята к публикации 20.08.2024

The article was submitted 21.04.2024; approved after reviewing 21.06.2024;
accepted for publication 20.08.2024